

ЮОЗАС ЮРКЕНАС

Вильнюсский педагогический университет

К истории формирования антропонимии балтийских и славянских языков

Поскольку “весь материал истории культуры может рассматриваться с точки зрения определенной содержательной информации и с точки зрения системы социальных кодов, которые позволяют эту информацию выражать в определенных знаках” [Лотман 1967, 31], то и процесс создания собственных имен можно рассматривать как своего рода тип кодирования историко-культурной информации. Антропонимию в целом можно рассматривать с этой точки зрения как совокупность знаков своеобразного этнокультурного текста. Тогда становится понятным, что этимология конкретного собственного имени (СИ) предполагает не только фонетическую реконструкцию, но и дешифровку информации, заключенной в СИ, как результате порождающего процесса по определенной модели. Иными словами, одной из основных задач исследователя истории антропонимии представляется определение той кодовой структуры, которой пользовались создатели данного культурного текста.

Так как СИ возникают на базе апеллятивной лексики, то вопрос об онимизации слов сводится к принципам отбора. Думается, что множество антропонимов не является набором слов, совершенно случайно оказавшихся в сфере СИ. Анализ древней антропонимии индоевропейских языков свидетельствует о том, что многие единицы в разных и.-е. языках возникли на базе генетически родственных апеллятивов или же многие антропонимы порождены лексемами, содержащими те же семантические компоненты. Это позволяет думать, что в составе апеллятивной лексики были основы, характеризующиеся повышенной склонностью к антропонимизации. Выявление некоторого множества таких апеллятивов можно рассматривать как определение кода, способствующего дешифровке хотя бы какой-то части заключенной в СИ информации.

Выявление основ, сыгравших особо важную роль в процессе порождения антропонимии и.-е. языков, является хотя и трудоемкой, но не самой сложной задачей. Более сложной представляется систематизация таких единиц и вскрытие причин их склонности к превращению в СИ или его компонент. Первый шаг в решении данной проблемы состоит в разработке принципов систематизации основ, выступающих в качестве антропонимов в разных и.-е. языках, и определение исходной позиции составления некоторой рабочей схемы, представляющей тенденции образования древних антропонимов.

Поиски системы основ, отображающей тенденции образования древней антропонимии, послужили толчком к попытке сравнения единиц общеиндоевропейской модели мира, построенной в исследовании Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [1984], с компонентами древней антропонимии разных и.-е. языков. Стал очевидным тот факт, что единицы модели мира во многих случаях были отражены в древней антропонимии. Создается впечатление, что наличие параллелей между фрагментами общеиндоевропейской модели мира и единицами древней антропонимии необходимо обязательно учитывать при рассмотрении этимологии конкретных СИ.

Семантические группы общеиндоевропейской лексики, реконструированные в указанной работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова с привлечением богатого культурно-исторического и этнологического материала, практически представляют собой фрагменты праиндоевропейского идеографического словаря.

Исследование большого количества СИ дает основание думать о возможности построения синоптической схемы той лексики, которая сыграла главную роль в процессе формирования антропонимии и.-е. языков. В основу такой схемы должны лечь узловые единицы общеиндоевропейского словаря, представляющие реалии, имеющие то или иное отношение к человеку как живому разумному существу, члену определенного общества в рамках соответствующей культуры. При этом следует иметь в виду, что древняя и.-е. антропонимия — это единицы, обусловленные тенденциями, возникшими еще в доисторическое время.

Такая рабочая схема, изображающая систему единиц, которые сыграли важную роль в процессе образования древней антропонимии, может быть представлена в виде таблицы № 1.

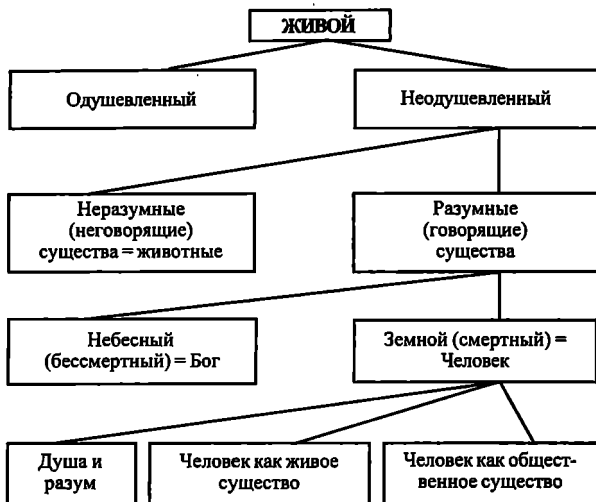

Таблица № 1

1. Мышление, язык, знание, восприятие	1. Бытие, жизнь	1. Род, племя, этническая группа
2. Воля	2. Состояние, качества (свойства)	2. Оборона, война
3. Религия, мифология, символика	3. Изменение состояния (процесс, движение, созидание)	3. Власть, слава
4. Отношение к Богу, неразумным существам, к неодушевленному миру	4. Связь, соединение	4. Сила, мощь, богатство

Вопрос о возможности изображения какой-то системы единиц, используемых в процессе порождения древней антропонимии, уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Более или менее тщательный анализ соответствующих материалов непременно наводит на мысль о существовании некоторого количества слов, обладающих повышенной склонностью стать основой имени. Так, А. Бах предлагает классификацию основ, используемых в древней не-

мецкой антропониимии. Он относит сюда единицы, обладающие следующими значениями: а) теофорные и выражающие понятия культа, колдовства; б) воин и его свойства (сила, смелость, ярость, отвага), борьба и победа, войско, оружие, снаряжение; в) животные; г) род, благородие, богатство; д) власть и защита; е) слава; ж) мудрый совет и речь; з) духовные и нравственные свойства; и) этнические названия и т.д. [Bach 1952, 206–228]. Сходная классификация немецких древних имен предлагается В. Шмидтом [Schmidt 1965, 252–253].

А. Хилька сделал попытку построить классификацию основ, породивших систему древнеиндийской антропониимии. Структура данной классификации более сложная, в ней выделяются некоторые особые семантические группы, однако и здесь сохраняются главные разделы: а) теофорные; б) борьба, победа, воин, войско, вооружение; в) сила, смелость; г) богатство; д) дух человеческий и его проявление: благоразумие, разум, образ мыслей, душевное состояние; е) слава; ж) животные; з) различные состояния человека, радость и любовь; и) деятельность человека, счастье; к) блеск, цветовые признаки и т.д. [Hilka 1910, 77–143].

Наша синоптическая схема лексики, сыгравшей особую роль в процессе формирования антропониимии и.-е. языков, отличается от вышеуказанных прежде всего тем, что здесь учтены материалы целого ряда индоевропейских языков. Особая роль в ней отведена балтийской и славянской антропониимии. Кроме того, в нашей синоптической схеме учтены данные реконструкции лексической системы общиндоевропейского языка Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, строивших свое исследование с учетом мифологических, ритуальных и мировоззренческих мотивов, в которых участвуют денотаты анализируемых лексем. Иначе говоря, наша схема несколько напоминает фрагмент общиндоевропейского идеографического словаря.

Для того, чтобы показать всю сложность работы исследователя, пытающегося воссоздать то, что было создано в прошлом, Ю.М. Лотман сравнивает его работу с работой человека, восстанавливающего разрушенный древний храм. “В руках у человека — лишь жалкие остатки: многого недостает... Труд человека получает название — “реконструкция”. Реконструкция никогда не бывает бесспорной и окончательной... Труд реконструктора — сотворчество. Для того чтобы восстановить храм, ему надо воссоздать и весь душевный мир строителя. *Воскресить его.*” [Лотман 1987, 11–12].

Реконструкция особенностей человеческого мышления, результатом которого являются дошедшие до нас “обломки” древней антропониимии, представляется делом не менее сложным, чем восстанов-

ление старинного храма. Здесь необходимо воссоздать душевный мир целого ряда поколений человеческого общества, вскрыть все то, что может дать всесторонний анализ сохранившихся единиц и сделать попытку *представить все имеющиеся материалы в рамках какой-то системы.*

Этимология нарицательного имени вскрывается на пересечении его фонетических, словообразовательных и семантических связей. Одним из главных приемов определения этимологии древних антропонимов следует считать построение их семантической модели. Исходной точкой должно стать наблюдение за синонимическими единицами и их использованием в рамках определенного антропонимического микрополя. Это можно рассматривать как поиск причин онимизации соответствующей лексемы. При этом следует также иметь в виду и все другие факторы, которые оказали влияние на развитие СИ: контактирование и взаимовлияние говорящих на разных языках и диалектах, изменение территории, занимаемой носителями разных языков, выход из употребления ряда языков, появление, развитие и распространение новых идей и т.д.

В качестве иллюстрации использования материалов предложенной нами синоптической схемы могут быть приведены хотя бы следующие данные.

В одной из статей мы уже обратили внимание на то обстоятельство, что в становлении и.-е. антропонимии весьма важную роль сыграли единицы, выражающие понятие 'разумного, говорящего'. Видимо, способность мыслить воспринималась как важнейший признак человека. Человек был обозначен как думающее, знающее существо [Юркенас 1997, 102–103]. Продолжением представленного в указанной статье материала можно считать ряд компонентов древней антропонимии, порожденных единицами, содержащими семы 'знать – знание'. Эти лексемы имеют явную семантическую связь с единицами, выражающими понятие 'разумного, мыслящего'.

1. Ст.-сл. *vědě* 'я знаю'; лит. *vaidila* 'жрец у древних литовцев', др.-пр. *waidimai* 'мы знаем', гот. *wait* 'я знаю', др.-инд. *vēda* 'знание' // антропонимы: лит. *Vaidas*, *Vaid-ila*, *Vaid-elys*, *Vaid-ulas*, *Vaid-otas*, *Vaid-ginas*, *Vaid-manas*, др.-прусс. *Ar-wayde*, *Waidenne*, *Waydico*, *Waidote* [Trautmann 1925, 154], др.-инд. *Veda-dhara*, *Veda-dharma*, *Veda-śri* [Hilka 1910, 136].

Сюда же примыкают основы, выступающие главным образом в форме нулевой ступени и приобретающие в ряде языков значение 'видеть–видение, вид': ст.-сл. *viděti*, *vidь*, лит. *iš-vysti* 'увидеть', про-

шед. *iš-vydo*, др.-прус. *widdai* 'видел', гот. *witan* 'смотреть, наблюдать; знать', д.-в.-н. *wizzan* 'знать', греч. εἶδον 'увидел' и т.д. Пересечение семантических компонентов 'знания' и 'видения' в рамках гнезда родственных слов представляется вполне понятным и последовательным (= знает тот, кто видел). Ср. антропонимы: др.-рус. Завидь, [Тупилов 1903, 154], Сно-видь [там же, 365], Видовы, Видохин, Видяка [Веселовский 1974, 67]; чеш. *Dobro-vid* [Svoboda 1964, 91]; лит. *Vid-mantas*, *Vyd-mantas*, *Bar-vydas*, *Bei-vydas*, *But-vydas*, *Dar-vydas*, *Eit-vydas*, *Gal-vydis*, *Mant-vydas*, *Mil-vydas*, *Nar-vydas*, *Rim-vydas*, *Sir-vydas*, *Tar-vydas*, *Taut-vyda*, *Vaiš-vydas*, *Žad-vydás*; др.-прус. *Al-wide*, *Ar-wide*, *Eit-wide*, *Kante-widyne*, *Ner-wyde*, *Po-wyde*, *Tule-wit*, *Wydawthe*, *Wydeke*, *Wydenne*, *Widete*, *Wydothe* [Trautmann 1925, 156]; герм. *Wito-gaud*, *Wit-hard*, *Wit-mund*, *Wiz-lint*, *Wiz-munt* [Förstemann 1900, 1565–1573]; греч. Εἶδο-μένης (ср. лит. *Vyd-mantas*), Ευ-εἶδης, Πολυ-εἶδης [Fick, Bechtel 1894, 127].

Дополнительным аргументом, свидетельствующим о возможности сочетания сем 'видения' и 'знания' (умения) и об использовании таких основ в составе древних антропонимов, могут служить следующие единицы:

а) др.-инд. *darś* 'видеть', *darśana* 'вид; взгляд, учение' // антропонимы: *Prati-darśa*, *Priya-darśana*, *Su-darśana* [Fick 1874, CLX];

б) греч. σκοπέω 'смотреть, наблюдать, рассматривать, исследовать' // антропонимы: Σκόπ-ανδρος, Σκολας, Σκόλος [Fick, Bechtel 1894, 252];

2. ст.-сл. *znati*, лит. *žinoti* 'знать', *pa-žinti* 'узнать', др.-пр. *ersinnat* 'узнать', др.-инд. *jñā-* 'знать', греч. γινώσκω 'узнаю', γνωτός 'узнанный', // антропонимы: польск. *Nie-zna+mir*, *Nie-zna+wuj* [Svoboda 1964, 98]; лит. *Žinis*, *Žinys*, *Žinaitis*, *Dau-žinas*, *Kur-žinas*; др.-прус. *Na-sinne*, *Synnote*, *Synnou* [Trautmann 1925, 150]; др.-инд. *Jñāna-kirti*, *Jñāna-ketu*, *Jñāna-grabha* [Fick 1874, CLIX]; греч. Γνωσί-δημος, Γνωσί-φίλος, Πολύ-γνωτός (ср. лит. *Dau-žinas?*) [Fick, Bechtel 1894, 87].

По мнению Г. Кронассера, к ряду лексем, в значении которых отражены семы 'мышления', 'знания', 'получения знания' (= восприятия), примыкает группа генетически родственных слов древнеиндийского и греческого языков, развитие значения которых представляется так: человек слышит что-то, пробуждается, становится бодрым, раздумывает и понимает (постигает); ср. др.-инд. *bodhati* 'пробуждается', *buddha* 'умный, знающий, мудрый', греч. κεύθουαι 'слушаю' [Kronasser 1952, 94]. Единицы данного гнезда сохранились также в других индоевропейских языках; ср. рус. *будить*, лит. *budėti*

‘бодрствовать, дежурить’, *ni-busti* ‘проснуться; стать сознательным’, *budrus* ‘бодрый, предусмотрительный’, *bauda* ‘штраф, взыскание’, *baudinti* ‘подстрекать’, др.-прусс. *etbaudints* ‘разбуженный, бодрый, оживленный’, гот. *anabiudan* ‘распоряжаться’ и т.д.

Примечательным представляется тот факт, что единицы указанного гнезда получили довольно широкое отражение в антропонимии ряда и.-е. языков (в том числе в балтийской и славянской): др.-русс. Буди-меров, Буди-слав, Будай, Будило, Буделевы, Будиха [Веселовский 1974, 52]; блр. Будзіла [Бірыла 1966, 200]; польск. *Budzi-sław, Budzi-woj* [Rymut 1991, 32]; серб.-хорв. *Budi-mir*; чеш. *Boho-bud, Dobrobud, Draho-bud, Chote-bud, Milo-bud, Rado-bud, Sde-bud* [Svoboda 1964, 72]; лит. *Baudys, Budas, Budėnas, Budrys, Bud-ginas, Bud-vydis, Budvilas*; в письменных памятниках Буди-вил-овичь [Акты, 81]; др.-прусс. *Bawde, Bawdil, Bude, Budike* [Trautmann 1925, 133]; герм. *Vaudi-mund, Baudo-wald, Baudio, Baudo, Ala-baud, Hario-baudes, Leude-baudes, Teudo-baudes, Vino-baudes* [Schönfeld 1965, 47; Förstemann 1900, 250–251]; др.-инд. *Bodhi, Bodhika, Bodhi-dhana, Bodhi-dharma, Buddhika, Buddhivara* [Fick 1874, CLXX, CLXXIII; Hilka 1910, 107]. К тому же этимологическому ряду Д. Дечев относит фракийское *Búdios* [Detschew 1957, 94].

Когда говорят о системности лексического состава, обычно акцентируют то обстоятельство, что каждое слово десятками нитей связано со значениями многих других. При попытке вытащить из системы произвольно выбранное слово-карточку за ним потянулась бы вся картотека [Караулов 1976, 77]. Нет сомнения в том, что между единицами лексики, породившими множество древних антропонимов и.-е. языков (в том числе балтийских и славянских), была еще более тесная связь. Поэтому определение круга лексем, характеризующихся повышенной склонностью к антропонимизации, а также установление взаимосвязи между ними, можно рассматривать как серьезный аргумент, свидетельствующий о рациональности соответствующей этимологии СИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты = *Акты литовской метрики, собранные заслуженным профессором императорского Варшавского университета Ф.Н. Леонтовичем. Варшава, 1896.*
- Бірыла М.В., 1966: *Беларуская антрапанімія*. Мінск.
- Веселовский С.Б., 1974: *Ономастикон*. Москва.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси.

- Караулов Ю.Н., 1976: *Общая и русская идеография*. Москва.
- Лотман Ю.М., 1967: К проблеме типологии культуры, *Труды по знаковым системам*, т. III. Тарту. (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 198.)
- Лотман Ю.М., 1987: *Сотворение Карамзина*. Москва.
- Тупиков М.Н., 1903: *Словарь древне-русских личных собственных имен*. Санкт-Петербург.
- Юркенас Ю., 1997: Когнитивные аспекты антропонимии, *Slavistica Vilnensis* 1997. 97–107. (Kalbotyra, 45(2).)
- Bach A., 1952: *Deutsche Namenkunde. Die Deutschen Personennamen*. Bd. 1. Heidelberg.
- Detschew D., 1957: Die thrakischen Sprachreste, *Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung*. Bd. XIV. Wien.
- Fick A., 1874: *Die griechischen Personennamen*. Göttingen.
- Fick A., Bechtel F., 1894: *Die griechischen Personennamen*. Göttingen.
- Förstemann E., 1900: *Altdeutsches Namenbuch*. Bd. I. Bonn.
- Hilka A., 1910: Die Altindischen Personennamen, in *Indische Forschungen*. Herausgegeben von A. Hillebrant. 3. Heft. Breslau.
- Kronasser H., 1952: *Handbuch der Semasiologie*. Heidelberg.
- Rymut K., 1991: *Nazwiska polaków*. Wrocław—... .
- Schmidt W., 1965: *Deutsche Sprachkunde*. Berlin.
- Schönfeld M., 1965: *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. Heidelberg.
- Svoboda J., 1964: *Staročeská osobní jména a naše příjmení*. Praha.
- Trautmann R., 1925: *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen.